

У каждого свои тайны

В коротких воспоминаниях о Семене Степановиче Гейченко мне следовало бы, очевидно, говорить в первую голову о нем как о писателе, ибо вся его писательская жизнь прошла при моем председательстве в областном отделении Союза писателей. Но ведь Гейченко - это прежде всего и главное - уникальное явление музейного мира, а не литературного; он написал по существу одну-единственную чисто литературную книжку - «У лукоморья». И все же...

После первого издания этой книги новелл, когда я, прочитавший ее одним из первых (работал в том же издательстве, где она вышла), поделился с Юрием Курановым впечатлением от нее - точный, чистый русский язык, зоркий глаз художника, искреннее чувство,- наш известный писатель сказал о Гейченко: «Он более нас поэт и более нас прозаик...» Так оно, думается, и было.

Известно, что Семен Степанович был, как говорится, прост в обращении: с ним легко находил язык всякий человек - и молодой и старый, и знатный и незаметный. Это - от масштаба души: как известно, чем выше она, тем проще человек. Но меня со времени знакомства не покидало чувство некоей непрозрачности моего старшего товарища (мы часто встречались, много писали друг другу), некоей тайны, носимой им глубоко в душе. Может быть, эти чувства навевались неожиданностью его поступков?

«Идем, - сказал он как-то мне, - бери вот лопату. Много деревьев повредило у нас, много птиц и зверья погубило». Это было после очередной бури в заповеднике. Пойдем предавать земле Божьих тварей, подумалось мне. Однако Семен Степанович завел в какой-то дальний угол леса, где и пройти было трудно, остановился у маленького деревца и показал пустым рукавом: «Вот липка. Выкопай ее и посади поблизости...» Как вышло, - «поблизости» от запо-

ведного дома поэта, напротив, у фондохранилища.

Много лет прошло с тех пор, вытянулась липка, догоняет вершиной соседней. А я всякий раз, как оказываюсь рядом, трогаю рукой зачистившее в ударах сердце... «Все мы временны, - говорил Семен Степанович, - и дерево не вечно. Но надолго останется после тебя, как след...»

Но вернемся к писательской жизни великого музейщика. В отличие от некоторых «молодых да ранних» литераторов он всегда уведомлял, если не имел возможности приехать на собрание или семинар литературного актива - как руководитель. И здесь, у нас на встречах, собраниях, редко произнося речи, Семен Степанович внимательно вслушивался в слова каждого писателя. Что было ему, умудренному большой, нелегкой жизнью, в горячих перепалках (и это было!) литераторов, в претензиях неудачников или радостях благополучных? «Не каждый умеет петь...» - вдруг скажет в случившемся затишь, и кому-то приоткроется новая, не своя, а иная, может быть, главная истина...

Многих литераторов, ученых, деятелей культуры довелось мне «привозить» к директору Пушкинского заповедника. Все хотели видеть и вотчину поэта, и ее легендарного хранителя. Однажды пожаловали мы к Семену Степановичу с японцем, профессором, переводчиком Пушкина на родной язык. Профессор не знал русского, общался с нами с помощью переводчика. В разговоре подошли к теме осознания Пушкиным своего предназначения и места в духовной истории России.

- Я перевожу Пушкина с английского, - сказал профессор. - Мне это легче, я им владею.

- Любопытно, - как-то мрачно отозвался Гейченко.

- Да, - удовлетворенно закивал японец. - Но вот в стихотворении «Я памятник себе воздвиг», в последней строфе - «Хвалу и клевету приемли равнодушно и молчи, когда говорит глупец», - мне с самого начала

Бологов Александр Александрович - секретарь правления Союза писателей России, председатель правления Псковского регионального отделения Союза писателей России

не понравилась концевая строчка, последняя мысль.

- А это и не пушкинское. Как это он мог сказать: «Молчи, когда говорит глупец»? «Не оспаривай» - это совсем другое дело, это - Пушкин. - Гейченко, как я увидел, с укоризной посмотрел на профессора с дальних островов. - Чтобы переводить Пушкина, надо знать его язык. Язык его страны, России... Да, да...

Японцу перевели, он низко закивал.

В этой связи вспоминаю встречу на одном из праздников поэзии с замечательным болгарским переводчиком Пушкина Григором Ленковым. (К сожалению, в тот приезд к нам он и погиб). Прекрасно говоривший по-русски (закончил русское отделение филфака Киевского университета), Григор поведал, как он обрадовался предложению Болгарской Академии наук перевести к юбилейному году Пушкина роман в стихах «Евгений Онегин». Ленков, кажется, знал весь роман наизусть, читал мне многие части его. Надо сказать, что «Евгений Онегин» был уже переведен в Болгарии несколько раз... И вот он рассказывает.

- Как я обрадовался, Господи! Вечером того же дня сел за стол, открыл первую страницу романа в русском академическом издании. «Мой дядя самых честных правил...» Как же это будет звучать по-болгарски? Честные правила - так у нас не говорят. Ладно, пойдем дальше. «Когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил...» Боже мой, опять вопрос; болгары не скажут «занемог не в шутку» или «заставить уважать»... Это только по-русски: «Я вас, или тебя, заставлю уважать... То или иное. А что дальше-то: «В красавиц он уж не влюблялся, а волочил как-нибудь». Да что же это такое, в Болгарии «волочить» можно разве что только бревно... Нет, дорогой, Пушкин самый национальный поэт в мире, самый близкий прежде всего к своему народу, язык которого живет в душе поэта.

- Да, Григор, да, - сам, вроде, удивлялся я.

Семен Степанович Гейченко, конечно же, все это знал и понимал; понимал, как, может быть, не понимали и некоторые известные лабораторные пушкинисты.

Я уже говорил выше, что меня не оставляло чувство особой тайны в личности, жизни, истории Гейченко. Не в биографии дело. Не в необычайных встречах его с августейшими особами в дореволюционное время и с вождями страны в советское; не в казусах получения паспорта в родном Петергофе; не в лагерном терпении, в конце концов. Само слияние его биографии и натуры с пушкинской «душой в заветной лире» и местами, где великий русский гений ощутил себя сопричастным «трудом и вдохновению» и где завещал предать себя земле, - уже великая тайна Судьбы. Особая, скрытая, невольная доля светилась в спокойных глазах патриарха. Я не помню, чтобы они меняли выражение, в каких бы разных обстоятельствах не видел я своего старшего товарища. Так хочется сказать - друга, но остерегаюсь. Хоть и часто в письмах и открытках он обращался ко мне с этим словом, но... Слишком глубоко к себе, в сердце, Семен Степанович, мне думается, мало кого пускал; хотя в крепости, в надежности отношений его к близким духом людям мне не приходилось сомневаться. Цельные натуры, как бы к ним ни относиться, не могут не вызывать уважения. А уж если они подкреплены добрыми делами, власть их принимается безоговорочно. Это испытал я, свидетель высокого достоинства Семена Степановича.

К концу своего земного бытия некоторые люди устают от него; всё повидали и прочувствовали, всё передумали и пережили. Не таким был Михайловский подвижник, посвятивший себя единственному делу. Словно, не завершив его, не успев закончить работу жизни, он тревожно ждал своего конечного часа.

В один из последних его дней я сидел рядом, у постели; держал в ладонях его слабеющую руку, постоянно ощущая стискивание пальцев. Не буду поминать разговоры, которые вели мы под роковое учащение сердцебиения. Из соседней комнаты часто появлялась Таня, дочь хозяина дома (да, уже дома, а не заповедника); опуская глаза, горестно вздыхая, кивала головой: «В живом разговоре ему легче...» Вдруг Семен

Степанович, переждав в стонах прилив боли, спросил: «Саша, тебе сколько лет?» Я ответил. Руку мою сжали напрягшиеся пальцы, Гейченко заплакал. Мне еще предстоит свою меру мучиться на этом свете - так, верно, думает Семен Степанович, решил я. Но слова его, интонация, с которой он выдыхал их сквозь слезы, говорили совсем о другом. ..

- Боже мой, сколько тебе еще жить!..
Сколько жить, Господи?..

- Терпеть?

- Что ты говоришь?.. Жить... Боже мой!..

Будто лучи солнца вдруг ослабели за окном, к которому повернул голову век проживший человек, будто ошутимо для него уходила жизнь из некогда могучего, полного силы тела... А душа не смирялась.

... Каждый человек уносит с собой свою тайну. Думаю, что у Семена Степановича Гейченко она была такой же значительной, такой же глубокой, как и он сам в нашем представлении о нем. И это очень здорово, ибо чем выше тайна каждого человека, тем безмернее для нас жизнь, тем глубже ее смысл...